

Политическая система как фактор успеха страны

И.Б. Орлов

При сравнении моделей политического обустройства того или иного государства нередко используется противопоставление «прогрессивные – непрогрессивные», что означает, как правило, высокий или низкий уровень развития. При этом в большинстве случаев для сопоставления уровня развития разных стран экономисты используют показатели валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения. Впрочем, до 1991 г. базовым показателем в макроэкономических исследованиях был валовой национальный продукт (ВНП), а ВВП стал основным индикатором для совместимости с системой национальных счетов ООН¹. Но здесь возникает ряд проблем.

Во-первых, точность расчетов душевого ВВП в паритетах покупательной способности достаточно ограничена, и обсуждать результаты таких сопоставлений необходимо с большой осторожностью.

Во-вторых, существующие модели, которые объясняют различия темпов экономического развития национальных экономик, довольно уязвимы. Так, У. Уэстерли показал, что какой бы из основных факторов, влияющих на динамику роста (доля инвестиций в ВВП, расходы на образование и т. п.), мы ни взяли, всегда можно найти страны, где эти факторы в нужной кондиции присутствовали, а вот роста не наблюдалось. Пытаясь это объяснить, Уэстерли ввел в оборот показатель «способность национальных институтов обеспечивать современный экономический рост»².

В-третьих, существуют такие страны, в которых средний ВВП на душу населения приблизительно одинаковый, а дифференциация населения по доходам различна³. Но ведь очевидно, что из этих стран более благополучными являются те, где наблюдается меньшая дифференциация доходов в обществе.

¹ Валовой внутренний продукт (ВВП) // Ricardo.com.ua: <http://www.ricardo.com.ua/guide/glossary/valovoy_vnutrenniy_produkt_vvp> (дата обращения: 10.09.2009).

² См.: Easterly W. The Elusive Quest for growth. Cambridge, 2001.

³ Например, средний душевой ВВП Аргентины и Польши в 2002 г. составлял 10 880 и 10 560 долл. соответственно, но при этом коэффициент дифференциации по доходам — 39,1 и 9,3. Беларусь и Венесуэла также демонстрировали схожие показатели душевого ВВП (5520 и 5380), но при этом коэффициент дифференциации доходов в Венесуэле почти в 10 раз превышал белорусский показатель (62,9 и 6,9).

Поэтому показатель среднеарифметического душевого ВВП («средняя температура по больнице») не может быть оптимальным для международных сопоставлений⁴.

В силу вышесказанного за основу страновых сопоставлений лучше взять такой показатель, как индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), состоящий из трех компонентов.

1. Доход, определяемый показателем ВВП по паритету покупательной способности.
2. Образование, определяемое показателями грамотности и доли учащихся среди детей и молодежи.
3. Долголетие, определяемое через ожидаемую продолжительность жизни.

Отчет о человеческом развитии из Программы развития ООН, опубликованный 27 ноября 2007 г., показывает, что индекс развития человеческого потенциала во всех странах мира, за исключением некоторых стран Африки, растет. Большая часть данных для отчета 2007–2008 гг. получена в 2005 г. и ранее. Для сравнения включены средние значения ИРЧП для регионов мира и групп стран. Список охватывает 175 (из 192) стран – членов ООН, включая Гонконг и территории Палестины. Страны делятся на три большие категории с высоким, средним и низким уровнем развития человеческого потенциала. 17 стран – членов ООН не включены в классификацию из-за недостатка данных, поэтому в отчете отнесены к группе стран с низким ИРЧП. По данным отчета, 30 из 32 стран с низким ИРЧП расположены в Африке, остальные страны — Гаити и Йемен — в Америке и Азии соответственно⁵.

В 1990-х гг. было проведено обширное исследование, финансировавшееся Всемирным банком, целью которого было выявление факторов, в наибольшей степени влияющих на рост душевых доходов. В ходе исследования более 80 стран выяснилось, что факторы, которые привычно ставились во главу угла (открытость для внешней торговли, уровень инфляции, распределение налогов, наличие или отсутствие минеральных ресурсов и пр.), на рост доходов влияют в несущественной степени. Тогда как действие факторов, связываемых с «институтами» (уровень коррупции и качество бюрократии, власть закона в отношении прав собственности и несоблюдение правительством контрактных обязательств, риск национализации / экспроприации и угроза дефолта), значительно более весомо.

То есть страна, имеющая плохую экономическую политику, но достаточно устойчивую и ясную систему правил, развивается лучше, чем страна, коррупционное правительство которой проводит мудрую экономическую политику⁶.

⁴ Подробнее по этому вопросу см.: Греков Е. Об учете дифференциации доходов населения в показателях уровня жизни // Современные проблемы экономики, политики и права. 2007. № 1. URL: <http://www.sprepp.ru/1_2007/7.php> (дата обращения: 15.09.2009).

⁵ Индекс развития человеческого потенциала // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%A0%D0%A7%D0%9F>> (дата обращения: 15.09.2009).

⁶ Счастливицы и лузеры: баланс сил (online-конференция 12–21 июля 2007) // Наше мнение. URL: <<http://www.nmnby.org/pub/0707/24d.html>> (дата обращения: 12.09.2009).

В связи с этим возникает вопрос о зависимости успешности той или иной страны (по крайней мере по коэффициенту ИРЧП) от формы государственного устройства (рис. 1, 3, 5) и политического режима (рис. 2, 4, 6)⁷.

Необходимо сделать ряд предварительных замечаний. Во-первых, различных типологий политических режимов в координатах «демократия – авторитаризм – тоталитаризм» сегодня предложено столько, что практически в них уже невозможно разобраться⁸. Поэтому авторы отказываются от столь упрощенной оппозиции и предлагают дробную схему политических режимов:

авторитарные,
демократические / либерально-демократические⁹,
нестабильные демократии¹⁰,
незападные демократии¹¹,
военные режимы,
авторитарный национализм,
национальный социализм.

Во-вторых, если в Европе монархии в принципе являются парламентскими демократиями, то говорить о монархизме как подтипе авторитарных государств следует применительно к странам, где монархи являются действительными правителями. При этом даже самые деспотические формы абсолютной монархии не являются инструментами простого произвола. Да и президентская республика может сопровождаться различными типами политических режимов. В силу чего предлагается следующая расширенная типология государственного устройства: абсолютные монархии, конституционные / ограниченные монархии, неограниченные президентские республики, ограниченные президентские республики¹², парламентские / парламентарные республики, социалистические / коммунистические республики¹³, военные хунты и зависимые / подмандатные территории.

⁷ Для построения этих и последующих диаграмм были использованы материалы: *Human Development Report 2007/2008. United Nations Development Program*; 2007/2008 Report. Human development index; Страны мира. Современный справочник. М., 2006.

⁸ Дибиров А.-Н.З. Теория политической легитимности. М. 2007. С. 197.

⁹ На практике ситуация еще сложнее. Так, в современной политологии политические режимы в Аргентине, Бразилии и Чили характеризуют как «неолиберальную», «делегированную» демократию. Разительно отличаются и демократические системы исламских стран, утверждавшиеся в условиях доминирования патриархальной политической культуры. Даже самые демократичные из них имеют сильный налет авторитаризма, обусловленный спецификой религии.

¹⁰ В нестабильных демократиях отсутствует историческая легитимность, а политический процесс носит персонафицированный характер.

¹¹ В таких демократиях, как правило, отсутствует или сильно ограничен конституционный либерализм, а в наличии – лидерство авторитарно-доминантной партии. Одновременно заметим, что в ходе дискуссии последнего десятилетия о параметрах демократии в зависимости от национальной специфики и конкретных условий политического развития страны появился ряд новых концепций: прав человека азиатских ценностей, ислама и гражданского общества, «трех представительств», социалистического гармоничного общества и т. п.

¹² Например, в Сингапуре функции президента – носят в основном символический характер, так как все его конституционные права осуществляются правительством.

¹³ В частности, в Азии государствами советского типа с разной степенью авторитарности являются КНДР, Вьетнам, Лаос и КНР. Для республик советского типа характерно формальное верховенство представительных органов, объединение представительных органов в иерархические системы,

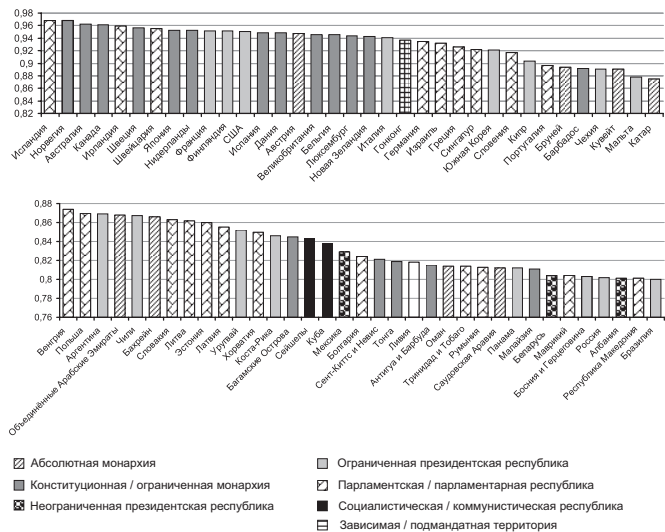

Рис. 1. Зависимость ИРЧП от формы государственного устройства в группе высоких показателей индекса

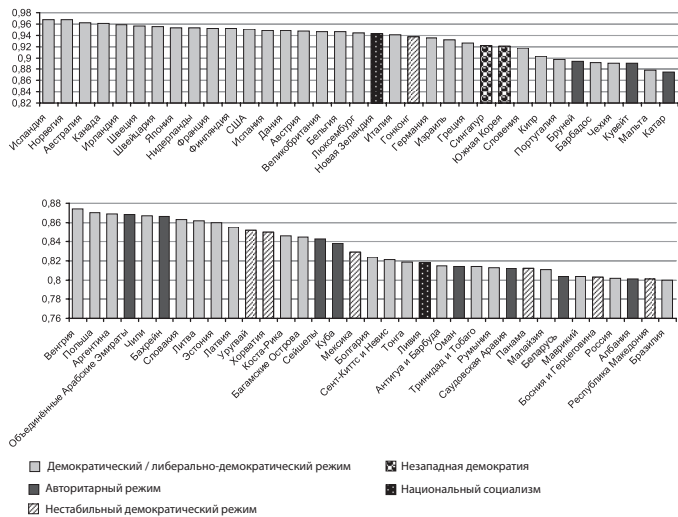

Рис. 2. Зависимость ИРЧП от политического режима в группе высоких показателей индекса

осуществление многих полномочий представительных органов более узкими составами или исполнительными структурами. То есть по политическому режиму это партократические государства.

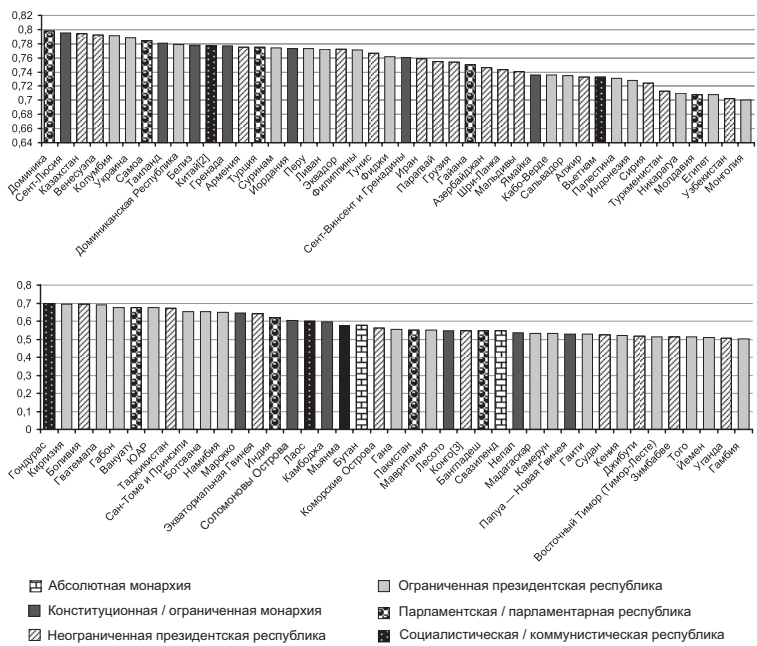

Рис. 3. Зависимость ИРЧП от формы государственного устройства в группе средних показателей индекса

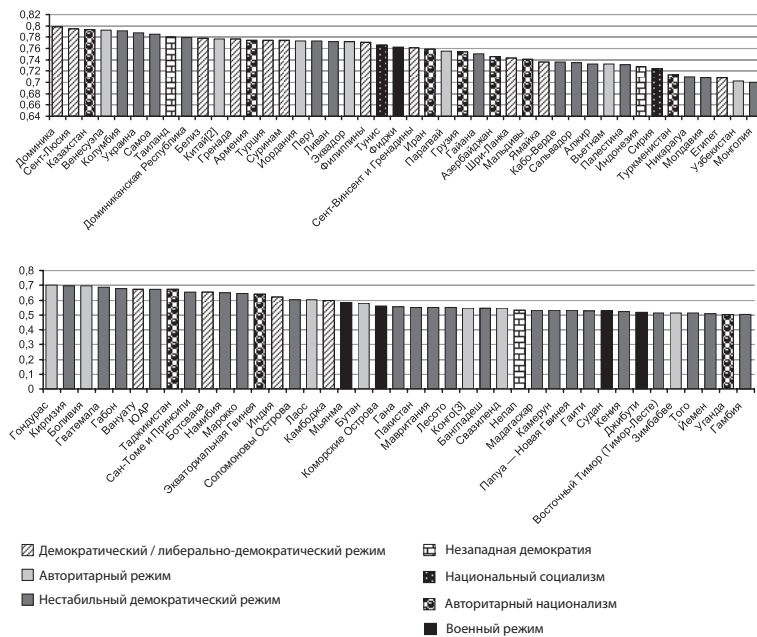

Рис. 4. Зависимость ИРЧП от политического режима в группе средних показателей индекса

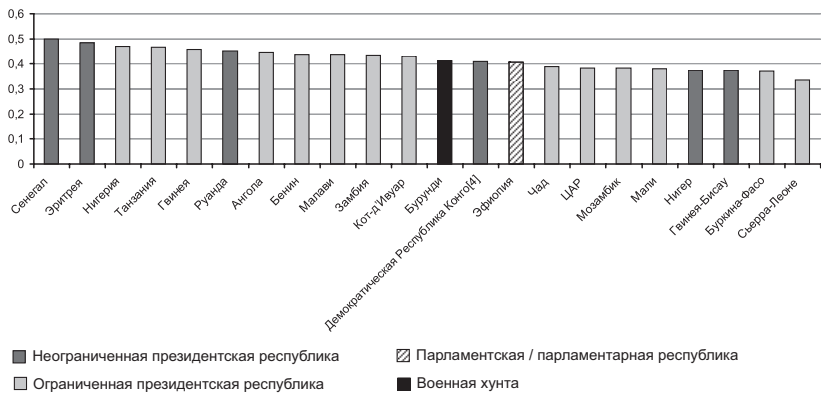

Рис. 5. Зависимость ИРЧП от формы государственного устройства в группе низких показателей индекса

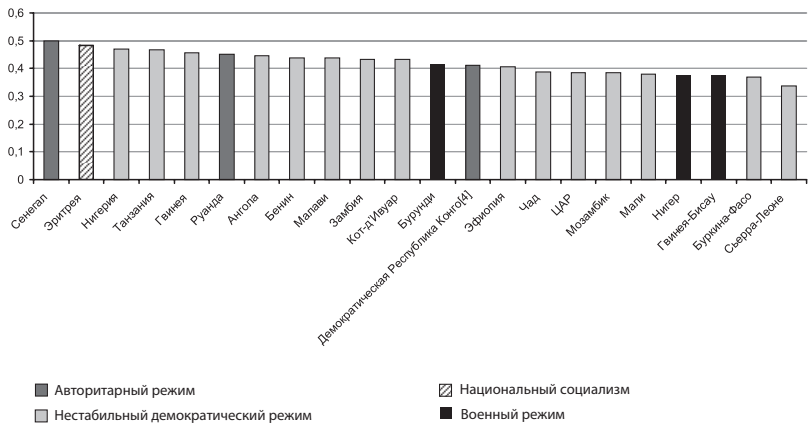

Рис. 6. Зависимость ИРЧП от политического режима в группе низких показателей индекса

Исследование политических систем и режимов стран мира показывает, что не существует (за исключением первых 20 стран в группе с высоким ИРЧП и последних 20 стран в группе с низким показателем ИРЧП) строго определенной зависимости ИРЧП (и, соответственно, успешности) стран от типа политического режима. В первой двадцатке, за исключением Новой Зеландии, все политические режимы позиционируются как демократические, но после этого устойчивой картины в отношении политических режимов не наблюдается. Что касается последней двадцатки стран, то здесь наихудшие показатели демонстрируют африканские государства с режимом нестабильной демократии или военной диктатуры. Причем 14 из них являются ограниченными президентскими республиками, а если сюда прибавить парламентскую Эфиопию, то ни о каком доминировании авторитаризма в этой группе речи быть не может. Скорее мы имеем дело с результатами навязывания либерально-демократической модели традиционалистскому обществу и прежде всего чуждого политической культуре принципа разделения властей и многопартийности.

В связи с этим возникает вопрос: может ли «рыночный плюрализм» в политике являться самоцелью? Ведь политический рынок — поневоле терпимое зло для государства. Даже эталонные современные демократии в той или иной степени ограничивают конкуренцию в политике, а также стремятся поставить высшую государственную власть вне переменчивых симпатий избирателей. Свобода политической конкуренции с точки зрения здравого государственного смысла может быть ценностью только низшего порядка по отношению к стабильности и безопасности государства. Кроме того, принцип свободы политической конкуренции, доведенный до логического конца, на самом деле отрицает многие ценности личной свободы, связанные с понятием демократии. Господство политического рынка в наиболее развитых демократических режимах оборачивается навязыванием человеку какой-то одной определенной модели политического поведения¹⁴.

Дабы не попасть в ловушку «демократического успеха», следует учитывать, что в Европе процесс формирования демократических институтов (включая многопартийность) органически совпал с процессом развития капитализма, чего нет во многих других странах, которых «за уши» тащат в либеральную демократию. И еще одно важное обстоятельство. Разрыв между странами Запада и Востока возник не сегодня, он формировался столетия. Поэтому ИРЧП, в котором высок удельный вес душевого ВВП, не может быть принят как некий абсолютный и, самое главное, статичный показатель. Здесь важнее динамика.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что помимо европейских государств в списке 20 стран с самым высоким ИРЧП находятся Австралия, Новая Зеландия, США, Канада и Япония, т. е. представлены почти все регионы, за исключением Большого Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки.

Анализ по отдельным регионам и группам (рис. 7) показывает, что в группу лидеров, демонстрирующих высокие показатели ИРЧП, входят участники Организации экономического сотрудничества и развития, в составе которой — 30 стран (большинство из них — члены ЕС), государства Центральной и Восточной Европы и регион Латинской Америки и Карибского бассейна. Однако им «наступают на пятки» страны Юго-Восточной Азии, имеющие средний показатель ИРЧП, но превышающий средний мировой уровень.

Наконец, встает вопрос о том, насколько успешными являются наиболее глобализованные государства, к которым сегодня относятся: Австрия, Венгрия, Великобритания, Германия, Дания, Израиль, Ирландия, Испания, Италия, Канада, Малайзия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Сингапур, США, Финляндия, Франция, Швейцария и Швеция¹⁵. Заметим, что все они по индексу развития человеческого потенциала входят в группу стран с высоким индексом. Но при этом они демонстрируют довольно широкий разброс — от 2-го места (Норвегия) до 63-го места (Малайзия)¹⁶, что не позволяет относить глобализа-

¹⁴ Бутаков Я. Индийский вариант. Однопартийная многопартийность как возможное будущее политической системы России // Русский журнал. 2004. 17 авг. URL: <http://old.russ.ru/culture/20040817_scen.html> (дата обращения: 09.09.2009).

¹⁵ Беляев М.И. Милогия Т. 1. Мировая экономика // Милогия. Моя творческая лаборатория. URL: <<http://milogiya.narod.ru/miroeconomy.htm>> (дата обращения: 29.09.2009).

¹⁶ Они занимают следующие места: Австрия — 15-е, Венгрия — 36-е, Великобритания — 16-е, Германия — 22-е, Дания — 14-е, Израиль — 23-е, Ирландия — 5-е, Испания — 13-е, Италия — 20-е,

цию к фактору, однозначно увеличивающему ИРЧП. Тем более что занимающая 1-е место Исландия отнюдь не относится к ряду высоко глобализованных стран. Да и динамика изменения ИРЧП показывает, что с 2005 г. Норвегия переместилась с 1-го места на 2-е, а США — с 8-го на 12-е.

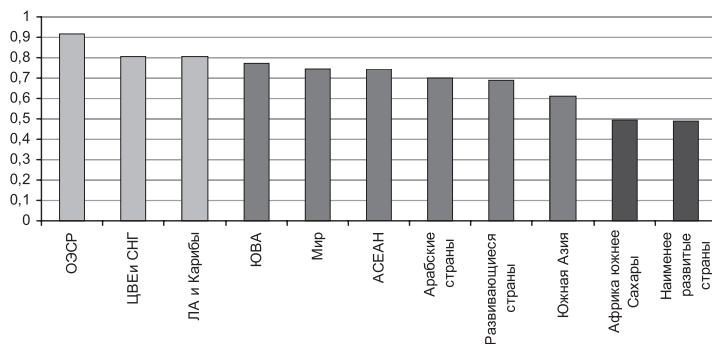

Рис. 7. ИРЧП по регионам и группам, 2007 г.

Источник: <<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%A0%D0%A7%D0%9F>>.

Тем не менее мы не можем полностью игнорировать влияние политической системы на развитие страны. Например, из 20 стран с самым высоким индексом 12 — конституционные монархии, 2 — ограниченные президентские и 4 — парламентские республики. Напомним, что для монархического сознания характерно мистическое созерцание верховной власти и пафос доверия к главе государства, культ чести и заслуги служения, органическое восприятие государственности и культ традиции. Государство выступает как учреждение и одновременно как большая семья. Тогда как в республиканском сознании господствуют утилитарное восприятие власти и пафос гарантии против главы государства, культ независимости и карьеры, механическое восприятие государственности и культ новаторства. Государство представляется корпорацией и свободным конгломератом¹⁷.

Не менее важен и конфессиональный фактор. Роль и значение религии в формировании и развитии государственного устройства неоспоримы. В частности, все протестантские страны (США, Великобритания, Австралия, Канада, Нидерланды, Швейцария) — это страны развитой демократии, отличающиеся гомогенностью и секулярностью. Тогда как для католических стран (Германия, Испания, Франция, Италия, страны Латинской Америки) характерен более поздний переход к демократии. В их фрагментированной политической культуре большую роль играют элементы других культур, вплоть до патернализма и патриархальности. Неоспоримо и то, что из христианских стран на путь демократизации позже всех встали православные страны (Россия, Греция, Югославия и Болгария), в которых сильны элементы патриархальности и подданчества¹⁸.

Канада — 4-е, Малайзия — 63-е, Нидерланды — 9-е, Норвегия — 2-е, Португалия — 29-е, Сингапур — 25-е, США — 12-е, Финляндия — 11-е, Франция — 10-е, Швейцария — 7-е и Швеция — 6-е.

¹⁷ Дибиров А.-Н.З. Теория политической легитимности. М., 2007. С. 77.

¹⁸ Там же. С. 232.

Возьмем первую двадцатку «успешных» стран. Видно, что здесь нет никакого доминирования пресловутой протестантской этики: только 8 стран (Великобритания, Дания, Исландия, Норвегия, США, Финляндия, Швеция и, с большой натяжкой, Австралия) могут быть отнесены к ареалу протестантской культуры. Тогда как 9 стран (Австрия, Бельгия, Ирландия, Испания, Италия, Канада, Люксембург, Франция и отчасти Швейцария) являются католическими странами. Если сюда добавить Нидерланды, где католиков больше, нежели протестантов, то обнаруживается явный перевес в пользу католических стран¹⁹.

Если брать в качестве критерия наличие партийной системы, то здесь наблюдается довольно противоречивая картина. Так, среди стран Востока, в которых отсутствует партийная система, к группе с высокими показателями ИРЧП относятся Бруней, Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия. Исключение составляют Мальдивы, позиционированные тем не менее в первой половине списка стран со средними показателями индекса. В этом же страновом диапазоне (даже с лучшими, чем у Мальдив, показателями) располагаются Бутан, Конго и Судан, где партии запрещены.

Еще больший разброс по индексу демонстрируют страны с однопартийной системой или с многопартийной системой при наличии доминирующей партии (т. е. фактической однопартийностью). Здесь к высшей группе по ИРЧП отнесены только Ливия и Сейшельские острова; к средней — Вьетнам, Габон, Джибути, Зимбабве, Иран, Камерун, Кения, Китай, Лаос, Лесото, Свазиленд, Сирия, Тунис, Таджикистан, Туркменистан, Уганда и, наконец, к низшей — Буркина-Фасо, Гвинея-Бисау, Кот-д'Ивуар, Сенегал, Танзания, Эритрея и Эфиопия. При этом страны, маскирующие фактическую однопартийность формальной многопартийностью, демонстрируют худшие показатели ИРЧП, нежели страны с наличием одной партии. Среди стран, имеющих две партии, в группе средних показателей индекса находятся Кабо-Верде, Намибия и Шри-Ланка, а к группе низких показателей — Мозамбик и ЦАР. Тогда как для стран, маскирующих двухпартийную систему многопартийностью, Ботсвана расположена в группе средних показателей индекса, а Ангола и Бурунди — низких. Другими словами, все попытки насадить в этих регионах такую «общечеловеческую» ценность, как партийная система, демонстрируют не только не улучшение показателей ИРЧП, но в ряде случаев — их очевидное снижение.

Таким образом, поливариантность и цивилизационная многополярность мира предполагают органичность государственных систем и политических элит (включая идеологию так называемого нового традиционализма), наличие традиционных политических институтов и внятных программ политического и социально-экономического развития в рамках поддержания национальной безопасности.

¹⁹ Особняком стоят синтоистско-буддийская Япония и Новая Зеландия, не ведущая конфессионального учета.